

На этот раз он и вовсе уговорил всех отправиться вместе с ним на поиски женьшеня — затея и впрямь нелепая. Мало того, что никто из них за всю жизнь и в глаза не видел женьшеня, так ещё и неизвестно, где его искать. А если и найдут, слухи тут же разнесутся, в деревню нахлынет толпа народа, и о спокойной жизни можно будет забыть!

Чжао Ба с досадой процедил:

— Даже если найдём, ещё вопрос, хватит ли нам удачи, чтобы такую находку удержать!

Фан Шэн и Чжао Ба были земляками и вместе служили в армии. Однако Фан Шэн не обладал крепким сложением Чжао Ба, да и той жестокой хватки в нём не было. В конце концов, после тяжёлого ранения он остался в тыловом лагере — долечиваться. Благодаря своей внимательности и расторопности он приглянулся одному военному врачу, который взял его в помощники. Так что можно сказать, беда обернулась удачей: он не только избежал дальнейших походов, но и обучился кое-каким медицинским приёмам. Вот только из-за неграмотности не мог читать книги и вести записи о болезнях, потому в ученики его так и не приняли. Даже Чжао Ба не раз получал от него помощь: когда не хватало лекарств или провизии, Фан Шэн всегда находил, чем поделиться из своих запасов, а однажды и вовсе отдал ему часть своего пайка. Чжао Ба ценил это и с тех пор относился к Фан Шэну с особым вниманием.

Когда они обосновались, то стали жить вместе. На войне этого не замечалось — всё время в движении, — но едва жизнь вошла в спокойное русло, старые раны Фан Шэна дали о себе знать, и ему пришлось долго восстанавливаться. Чжао Ба в ту пору частенько ходил в горы, добывал дичь и продавал её, чтобы поддержать товарища. В нынешнем году дела пошли лучше, и Чжао Ба задумался о возвращении домой. Он первым заговорил об этом, но Дин Саньгоу отпустил в его сторону несколько колкостей, которые больно задели Чжао Ба. Тот не мог просто взять и уехать, поэтому присоединился к общей поездке. Однако Дин Саньгоу никак не унимался, да и остальные подначивали, — в конце концов Чжао Ба не выдержал и ввязался в перепалку. Дин Саньгоу, человек бестактный, в разговоре задел и Фан Шэна. А Чжао Ба терпеть не мог, когда речь заходила о его товарище, — вот Дин Саньгоу и угодил под горячую руку. Чуть не дошло до драки, но остальные вовремя их растащили.

С той поры Чжао Ба и смотреть на Дин Саньгоу не мог, хотя вслух этого, конечно, не высказывал.

Добычу поделили в тот же день — каждый охотник получил свою долю. Чжао Ба забрал свою часть и отнёс немного семье Ду. К счастью, уже похолодало, и мясо могло храниться дней десять-пятнадцать, иначе не знали бы, куда его девать.

Но вот с наступившими морозами пришлось туго. Днём, с горящим очагом, ещё терпелось, а ночью, когда ложились спать, оказывалось, что одеяла слишком тонкие, да и сквозь щели в окнах дуло. Втроём спали вместе, постель была тёплой, тело тоже, а вот голова оставалась снаружи — мёрзла нещадно. Тронешь нос — ледяной.

Ду Чжунпин отправился к Фан Шэну за советом. Тот хлопнул себя по лбу:

— В этом году совсем забыли окна заклеить! Вот дела-то.

А когда Ду Чжунпин пожаловался, что и одежда, и одеяла слишком лёгкие, Фан Шэн кивнул:

— Верно, вы же здесь впервые, многого не учли. Как раз сейчас дела поутихли — давайте съездим в город и купим всё необходимое, чтобы потом по мелочам не бегать. Да и большую бочку для квашеной капусты надо бы, и для соуса на будущий год тоже. Всё это только в городе найдёшь.

Ду Чжунпин с Ду Анем с момента приезда никуда не выби́рались — только по деревне да в поле, — так что давно мечтали о перемене обстановки. Фан Шэн и Чжао Ба тоже всю осень в работе, отдохнуть было недосуг, так что идея им пришлась по душе. Тут же принялись обсуждать, что именно нужно купить.

Перечислили — у семьи Ду оказался целый список: ткань и вата для одежды, одеял и валенок; плотная бумага, чтобы окна заново заклеить, а то не выдержат; бочки разного размера, кувшины, миски, тарелки — для хозяйства; весь набор сельхозинвентаря, который весной понадобится, а если заранее не приготовить, потом и взять будет негде; приправы — масло, соль, соевый соус, уксус (семья Ду к еде была требовательна); ещё мука да рис, взрослые как-нибудь, но трёхлетний Цзинь-эр нуждался в хорошем питании; да и мелочи вроде иголок, ниток, ножниц.

Долго перечисляли, всё равно казалось, что что-то забыли. Решили — на рынке сами вспомнится.

На следующее утро поднялись затемно, запрягли мула в повозку семьи Ду. Эту повозку Ду Чжунпин когда-то заказал широкую и прочную — планировали ехать на север, весь скарб с собой везти. Снаружи выглядела неказисто, зато внутри удобно: по пути ночевали в ней же.

Вещей набралось много — одна повозка и людей, и груз могла не вместить, — потому сзади прицепили тележку Чжао Ба. Их скотина была обученная, в постоянном присмотре не нуждалась, так что спокойно шла следом. Чжао Ба погрузил на тележку несколько мешков зерна да выделанные шкуры — в городе продать.

Все уселись в переднюю повозку, только Чжао Ба остался снаружи, править. Щёлкнул кнутом — повозка плавно тронулась.

Внутри было просторно. Ду Чжунпин, опасаясь холода, поставил посередине жаровню и прихватил два тонких одеяла — ноги укрыть. В последние дни стало ясно: одежда, привезённая с юга, слишком лёгкая. Взрослые ещё терпели, а вот за Цзинь-эра Ду Чжунпин беспокоился пуще всего, потому и закутывал его намертво.

В повозке ехали весело, беседовали, шутили. Не позавидуешь только Чжао Ба на облучке — ветер продувал насквозь. Дорогой Ду Ань пытался его сменить, да тот отнекивался: мол, дороги не знаешь. Ду Ань, чувствуя неловкость, то и дело подносил ему горячей воды. Фан Шэн же пояснил: раньше, когда ездили в город на телеге, и возница, и седоки мёрзли одинаково. Если уж совсем не вмоготу становилось — выскакивали, бежали рядом, чтобы согреться, потом снова забирались. Кто станет добротные одеяла в повозку класть? Испачкаются — беда, а если снег пойдёт — и вовсе потом не высушишь. Вата нынче дорогая, лишних одеял никто не держал. А сегодня ещё и жаровня есть, и вода горячая — уже хорошо.

Дорога заняла часа два. Наконец показался Цзиньян. Город стоял на севере, имел важное военное значение, потому у ворот несли караул солдаты — проверяли всех да пошлину вжимали.

Когда подошла очередь Чжао Ба, один из стражников приподнял полог, заглянул внутрь и с усмешкой крикнул:

— О, разбогател? Такую повозку завёл?

Чжао Ба рассмеялся:

— Брось! Это повозка нового соседа, Ду Сюцай. Как отпуск будет — заходи, косулятины припас.

Тот охнул:

— Сюцай? Тогда извиняюсь, не заметил. Обязательно загляну, а ты вина не пожалей! — И махнул рукой: проходите, пошлину брать не стал.

Въехав в город, Чжао Ба направил повозку на западную улицу. В Цзиньяне в основном военные жили, торговля была не ахти, потому все лавки собрали в одном месте — для удобства.

Чжао Ба подъехал к знакомой маслобойне на восточном конце, перекинулся с хозяином парой слов, попросил присмотреть за повозкой. Тот охотно согласился. Поблагодарив, компания двинулась по магазинам.

Улица не поражала оживлённостью, в лавках — только самое необходимое. Сначала зашли в скорняжную, продали шкуры, что Чжао Ба привёз. Ду Чжунпин, хоть и не нашёл соболя или лисы, присмотрел несколько плотных овечьих шкур — семью утеплить.

Потом — в аптеку. Сдали собранные травы. Хозяин аптеки Фан Шэна знал, потому цену дал честную. Ду Чжунпин приметил на полках готовые пилюли, выбрал самые ходовые — и большая часть только что вырученных денег тут же вернулась продавцу. Что поделать — в деревне врача толкового не было, если заболеешь, пока доедет, уже поздно может быть. Лучше заранее подготовиться.

С этими делами покончили, начали закупаться впрок. Покупали в основном Ду Чжунпин с Ду Анем, а Фан Шэн с Чжао Ба советовали да цену сбивали. Хотя цены и так были невысокие, но Фан Шэн опасался, как бы продавцы, услышав чужой говор, не вздули цену. А с местными рядом — постесняются.

<http://bllate.org/book/16286/1467455>